

Когда пал
Херсонес

Из собрания сочинений

Когда пал Херсонес
Анна Ярославна – королева Франции
Последний путь Владимира Мономаха
XV легион
В дни Каракаллы
Слоны Ганнибала

Антонин Ладинский
Из собрания сочинений

КОГДА ПАЛ ХЕРСОНЕС

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(0)
Л115

Ладинский, А.

Л115 Когда пал Херсонес / А. Ладинский. – М. :
Т8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 350 с.

ISBN 978-5-521-74535-7

Роман «Когда пал Херсонес» открывает трилогию исторических романов о Киевской Руси русского поэта первой волны эмиграции Антонина Ладинского (1896—1961). В трилогию также входят романы «Анна Ярославна — королева Франции» и «Последний путь Владимира Мономаха». В романе «Когда пал Херсонес», впервые опубликованном во Франции в 1938 году под названием «Голубь над Понтом», главный герой патрикий Ираклий Метафраст ведёт записки-очерки о своих путешествиях по главным городам Византийской Империи — Константинополь, Херсонес и в столицу Древней Руси Киев, где правит князь Владимир Мономах. Посвящённый грек оказывается свидетелем событий тех дней, когда начали развиваться отношения Византии и её пышностью, роскошью одеяний, великолепными императорскими «выходами», но застывшей на достигнутом, скованной нерушимыми традициями, с внезапно выросшей в причерноморских степях молодой, дерзкой Киевской Русью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821
ББК 84(0)
BIC FV
BISAC FIC009030

© Т8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ,
Лтд.», 2018
© Текст. А.П. Ладинский,
наследники, 2018

ISBN 978-5-521-74535-7

Когда в предместье св. Мамы пропоют третьи пелухи, отойдет заутреня в константинопольских церк-вах и во мраке едва лишь начинается первый час дня¹, в Священном дворце великий ключарь и этериарх дворцовой стражи приступают к отпиранию дверей. Прежде всего открывается сделанная из слоновой кости дверь, ведущая в Лавзиаак, куда можно подняться по улиткообразной лестнице. В этом помещении великий ключарь и этериарх сменяют свои обычные одежды на серебряные скарамангии. Отсюда путь лежит через другие залы и переходы в Золотую палату. Затем отпираются прочие двери. После этого веститоры, или облачателы, отправляются в Ризницу и берут там царский скарамангий, в который в этот день над-лежит облачиться василевсу. Он бывает золотым или серебряным, из материи цвета персика или из чисто-го пурпура, присвоенного только царственным особам. Веститоры кладут одеяние со всей требуемой в данном случае осторожностью и благоговением на скамью пе-ред серебряной дверью, ведущей во внутренние покои, и ждут знака.

В это время по тихим еще улицам города уже спе-шат, направляясь к Ипподрому, пешком или на мулах, в одиночестве или в сопровождении слуг чины синкли-та, невыспавшиеся патрикии и магистры, domestiки и комиты, по случаю праздника в красных плащах. Во дворце просыпается жизнь. У дверей стоят, опи-раясь на свои страшные секиры, хмурые после бессонной ночи варяги. Служители гасят в покоях светильники

¹По современному счету приблизительно в пятом часу утра.

и лампы. В руках великого ключаря позвякивают ключи, как бы напоминая, что надлежит спешить и готовиться к царскому выходу.

Гражданские и военные чины, приглашенные на прием или вызванные по какому-нибудь государственному делу, собираются на Ипподроме и приветствуют друг друга церемонными поклонами. Военачальники в подобных случаях являются при мече, присвоенном их званию. Потом всех приглашают пройти во дворец, каждого чина в особо предназначенный для этого зал, и когда они размещаются по местам на пути предстоящего шествия и силенциарии устанавливают тишину среди присутствующих, к серебряным дверям подходит великий ключарь и трижды ударяет в нее согнутым указательным перстом. Дверь тотчас же открывается, и облачатели вносят во внутренние покои приготовленный царский скарамангии, чтобы надеть его с положенными церемониями на василевса. Облачившись, благочестивый император появляется в дверях...

Ромейское царство — как некий огромный улей или полный трудов муравейник. Все в нашем государстве должны трудиться, и каждому назначены определенное место, обязанности и права. Однажды я проходил мимо муравьиной кучи и некоторое время с любопытством наблюдал, как эти неутомимые труженики суетились, стараясь доставить в подземные кладовые мертвую осу, и я изумлялся их терпению и упорству. На пасеке в имении магистра Леонтия Хрисокефала я неоднократно имел случай наблюдать, как собирают

цветочную сладость трудолюбивые пчелы. Такова и наша жизнь, и все в ней установлено на вечные времена законом.

Каждый шаг василевса определяют древним римским церемониалом, который нельзя нарушить ни при каких обстоятельствах. Даже последний табулярий, удостоверяющий своею подписью и печатью торговые договоры, занимает на иерархической лестнице определенное место и должен сделать навстречу посетителю установленные обычаем три шага, а не два или четыре.

В «Книге эпарха» точно указано, как и где разрешается производить куплю и продажу, какая цена назначена за барана или медимн пшеницы, сколько миллиариссиев имеет право нажать с номисмы торговец шелком и почему булочники имеют двадцать четыре процента дохода с продажи хлебов, так как должны исчислять прибыль, исходя из стоимости зерна, размолы и закваски и принимая во внимание топку печи, освещение хлебопекарни и прокорм животного, приводящего в движение жернов. Легаторий и его помощники следят за тем, чтобы весы торговцев были точными, чтобы менялы, которых во время военных действий благодаря знанию ими иностранных языков часто используют как лазутчиков, не подпиливали золотых монет, лишая их тем законной стоимости, чтобы свечники не прибавляли в воск сало, чтобы золотых дел мастера не покупали более одного фунта золота в год, чтобы серикарии, производящие шелк, не окрашивали своих материй в пурпур. Торговцы бальзамом,

пшеничной и житной мукой, соленой рыбой, твердой или жидкой смолой, коноплей или гвоздями, свечники, менялы, мясники, мыловары, башмачники и пекари объединены в содружества, подчиняющиеся строгим правилам и облегчающие надзор за трудом и податным обложением. Каждому торгующему назначено особое место для торговли. Золотых дел мастера продают свои изделия на Месе, восточные товары можно продавать только в Эмволах, торговцы ароматами выставляют сосуды с благовониями между Милием и Халкой, чтобы благоухание амбры долетало до дворцовых портиков. Здесь продаются амбра, мирра и прочие благовония из Счастливой Аравии, перец из Индии, нард из Лаодикии, корица с острова Цейлона. Но мироварам строгойше запрещено продавать цикуту, мандрагору, употребляемую для усыпления, и другие халдейские снадобья.

Среди торгующих благовониями много сарацин, египтян, армян, иудеев, эфиопов и персов. От их криков и зазываний кружится голова. Они макают пальцы в сосуды с ароматами, мажут у проходящих ладони или бороды и расхваливают свои товары:

- Купи мускус для своей возлюбленной!
- За один милиариссий — климат рая!
- Благовонные притирания! Благовонные притирания!

Горбоносый человек в огромном тюрбане, склонив голову набок, шевеля тонкими пальцами перед темным лицом, уговаривает покупателя:

- Что тебе скажет возлюбленная? А вот что скажет она, достопочтенный: «Не надо мне драгоценных укра-

шений, принеси мне лучше амбру или мускус, потому что от ароматов у меня приятно кружится голова...»

Бродячий монах выкрикивает:

— Камушки из Иордана! Иорданские камушки, без запроса!..

Персидский купец предлагает:

— Душистое мыло под названием «Тайна красоты». Купите «Тайну красоты»!..

— Благовонные притирания!..

— Миосотис, новый запах!..

Но здесь я встречал также благочестивых паломников и путешественников, посещающих наш город по торговым делам, разговаривал с Сулейманом ибн Вахабом, совершившим трижды путешествие в Иерусалим и побывавшим в далекой Индии.

Растирая в ладонях каплю амбры, он говорил мне:

— Страсть к путешествиям подобна любви. Новые страны — как новые встречи. Так мы смотрим на красивых рабынь и открываем у них неведомые доселе прелести...

Избегая легкомысленных разговоров, я просил Сулеймана рассказать мне о Иерусалиме и Дамаске, и он закатывал глаза от прилива приятных воспоминаний.

— О, Дамаск!.. Если может быть на земле рай, то это — там. Дамаск — жемчужина мира, вечная весна...

Передо мной стоял враг, сарацин, один из тех, кто отнял у нас гроб Христа... Но ведь мы же были с ним не на поле сражения!

С незапамятных времен бараны продаются на площади Стратигия, а ягнята, от Пасхи до Троицы, — на площади Тавра и рабы — на Амастридской площади, которая поэтому называется в народе «Долина слез». Здесь по лицу продаваемой молодой рабыни текут слезы, крупные, как горошины, детский плач умолкает лишь тогда, когда надсмотрщик грозит бичом маленьким пленникам и пленницам, и, может быть, на этом рынке мы сеем ту бурю, которая когда-нибудь разрушит ромейское государство. Но люди не думают о будущем. На базарах толпятся праздные люди, здесь, как в деревне, пахнет навозом, покупатели спорят о стагах коня или о мышцах раба. И всюду — на форумах, на базарах, на рыбных рынках, у цирюльников или хлеботорговцев — споры о догмате святой Троицы мешаются с неизменными разговорами о житейских делах.

— Сколько стоит рыба? — спрашивает покупатель.

— По три фолла за рыбу.

— А в прошлую пятницу я платил по два фолла.

— То было в прошлую пятницу. Цены поднимаются. Потом еще не то будет.

— А что же будет? — удивляется покупатель.

— Разве ты не слышал? Евнух послал василевсу отравленное вино... — шепчет продавец знакомцу.

Но из-за плеча покупателя высовывается чей-то длинный нос и с любопытством обоняет рыбный запах. Большие, оттопыренные уши ловят каждое неосторожно сказанное слово.

— О чем ты тут говоришь, дружок?

— Я говорю, что моя рыба самая лучшая в Констан-